

ХАНЫМ АЙДЫН

Воробушек

Рассказ

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

В детстве я хотела быть героем. В своих фантазиях я то и дело спасала кого-то от пожара, лавин, утопления. И я получала от этого божественное наслаждение, гордилась собой. Может, сейчас Бог осуществил мою мечту стать героем. Велел: иди и будь героем, если хватит сил, и даже если не хватит...

Я лежу лицом к стене на койке роддома. Всё пропахло лекарствами. Утро только пробует наступить. Смотрю на телефон, 6 часов. С другой стороны плотно закрытого окна слышно чирикание воробьев. Всё тело болит, а тут еще и это чирикание сводит с ума. Были бы силы – сунула бы голову под подушку и заткнула бы уши. Выбилась из сил. По скрипу двери поняла, что зашли в палату. Осторожно поворачиваюсь к двери. Всем матерям приносят покормить малышей, только не мне. На мгновение даже перестает быть больно. Я тут же жалобно стону, хотя это мне совсем не нравится:

– Где моя дочурка?

Медсестра откидывает голову, стряхивает челку.

– Она очень слаба, пока нельзя, мамочка!

– Но ведь я ... ведь я... – бормочу я растерянно.

– С вопросами, мамочка, обращайтесь к врачу. Всё, я побежала, работы непроворот. Нам в отличие от вас некогда разлеживаться.

Она убегает, смеясь, а я корчусь от боли. От матраса и простыни подо мной исходит странный запах. Не могу разобрать, пахнет кровью, мокрым или Бог знает чем! Отворачиваюсь то вправо, то влево, но без толку; этот противный запах забивается в нос. Мне выдали больничный халат, который напоминает смирительную рубашку. Может, всё не так уж противно: ни матрас, ни простыня, ни халат. Будь проклята моя дотошность. Вот очухаюсь малость, достану из «роддомной сумки» свою одежду. Вот бы выбраться отсюда и искупаться...

Так и корчусь от боли. Не могу шевельнуться. От бессонницы кружится голова, но заснуть не могу. Мне беспокойно. Как поговаривала бабушка, все эти нескончаемые беды доведут меня до ручки. В голове медленно вертится баяты, как показатель на старых счетчиках: «Играй на балабане, тихо играй на балабане, матерям принесли детей, а моя малютка где?!» От этих мыслей никуда не деться. Мама снова прислала из дому сумку с едой. Ну и что? Есть-то не могу. Запах еды на тумбе шибает в нос, меня воротит. Мои глаза ищут рожениц, которых никто не навещает. Я тихо говорю: «Ешьте, пока горячее, у меня всё равно нет аппетита». Не успеваю закончить фразу, как они хватают казан. Мама каждый раз говорит: «Дочка, скажи, чего тебе хочется, приготовлю и принесу. Так ведь нельзя. Ты столько крови потеряла». Но тете я сказала, что хотелось бы себзи¹. Бедная тетя звонит снизу:

– Родная, я приготовила тебе себзи, поешь, ради Бога. Я отправила через санитарку...

¹ Себзи – баранина с зеленью.

Честно говоря, я это сдуру сказала. Не думала, что она проделает весь этот путь, приготовит и принесет в такую жару. Я отламываю хлеб и пару раз макаю в тушеную зелень. Закрываю глаза и проглатываю, как лекарство. К мясу даже не прикасаюсь. Через пару минут соседки по палате возвращают пустой казан. Их причмокивания и чавканья раздаются у меня в ушах.

Ладно уж... Я уже несколько дней кормлю голодных малышей тех матерей, у которых нет молока. И пока кормлю их, где-то в глубине души думаю, что, может, Бог вознаградит меня за это добро. Бог всё увидит и выведет меня из этой тьмы на белый, как грудное молоко, свет...

Четвертый день. Копашусь в постели. Мама написала сообщение: «Держи ноги в тепле, ты сейчас слаба». Я ворчу про себя: «Мама, и так ведь жарко, лето на дворе. Я тут умираю от переживаний, а ты всё о своем»...

Снова скрипит дверь. Некому, что ли, смазать петли... Вдруг вижу над моей головой висит улыбающаяся медсестра с крохотным запеленатым младенцем, напоминающим люля¹ в лаваше. Она стоит боком, открытым карманом ко мне в привычно-профессиональной позе: «Дай мне магарыч, стонешь и плачешь целых четыре дня – даже на проспекте слышно!» Вынимаю деньги из ящика тумбы и кладу ей в карман. Она даже «спасибо» не говорит.

Сначала радуюсь как сумасшедшая, потом меня охватывает тревога. Чувствую, как холодеют руки и ноги. Перевожу взгляд с ребенка на медсестру. Взгляд поднимается и опускается. На мгновение приходит в голову, что надо подняться и бежать из палаты. Бежать, убежать далеко. Внезапно раздается голос малышки, я перестаю беспокойно переводить взгляд и выхватываю дочурку из рук медсестры. Прижимаю к сердцу. Боже, что это за чувство, как это назвать? Как это крохотное существо оставалось внутри меня, как оно дышало, как из маленькой точки разрослось до таких размеров?

Она чмокает губами. Глядя на нее, вспоминаю образ женщины из наших народных сказок; то, что пишут, восхваляя красоту девушки: миндалевидные глаза, брови серповидные. Вот и она такова.

Теперь даже не знаю, что с ней делать, как ее держать в руках, как быть. Как будто это вовсе не я уже четвертый день кормлю чужих детишек. Я впервые обняла ее. Все внимание девушек в палате было приковано ко мне, и они о чем-то шептались.

А я просто смотрела на нее, не пытаюсь понять, что происходит у меня в душе...

Вечер. Дверь снова скрипит. Это мой доктор приближается вприпрыжку. Садится рядом со мной, кладет руку мне на плечо и странно смотрит. Я не могу разобрат, что кроется за этим взглядом. Усевшись поудобнее, она открывает блокнот:

– Как тебя зовут, дочка?

– Нарын.

Я чувствую, как покраснелось лицо от волнения.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

– Это твой первый ребенок?

– Да, первый.

Хотя она пытается выглядеть хладнокровной, я вижу, как она внутренне напряжена.

– Ты раньше делала аборт?

– Нет-нет, никогда.

¹ Люля – шашлык из молотого мяса, продолговатой формы.

– Ладно... Я сегодня остаюсь на ночную смену. Приду, поговорим.

Я остаюсь хлопать глазами: «И это всёёёё???»

У полной, высокой, смуглой докторши в очках, украшенных драгоценными камнями, странное имя – Гудратханым. Когда я к ней обращаюсь, у меня язык заплетается – Гудратханым-ханым¹. Когда она входит в палату, весь тутошний смрад рассеивается. Аромат ее «Sisley» появляется прежде нее самой. У меня к ней странно-родственные чувства. К тому же она властная, а я люблю властных женщин.

Близится вечер. Шум проезжающих машин постепенно стихает. Малыши уже давно сладко посапывают в маленьких кроватках, выстроенных бок о бок. Мы, мамы, все лежим в постели и разговариваем. Здесь одна тема: все говорят только о родах. Меня передергивает. Ей-богу, от этих разговоров в животе снова прорезается боль. Бабушка поговаривала, что во время родов женщина стоит лицом к лицу со смертью. Тогда я этого не понимала. Только-только начинаю понимать.

Девушки продолжают свою беседу, я слушаю вполуха и прихлебываю чай. А сама думаю: интересно, как мать безошибочно узнает, в какой кроватке лежит ее ребеночек в детской палате, тут же идет прямо к нему? Что связывает это крохотное существо с матерью даже после того, как перерезана пуповина?

Снова скрипит дверь. Это Гудратханым-ханым. Она ведь еще днем говорила, что останется в ночную смену. Она снова подсаживается ко мне:

– Ну, как дела, мамыши? О чем болтаете? Что ели-пили? В комнате пахнет баклажанами в уксусе? Вам не стыдно?! Ваше молоко провоняет, ребенок не станет брать грудь! Тысячу раз говоришь, всё без толку...

Доктор недовольно качает головой.

Они снова начинают судачить, как деревенские бабы. Тошно смотреть на такое. Как будто бабки на лавочке. Наконец я перебиваю их и спрашиваю ее о необычном имени. Она, видимо, наученная опытом, отвечает на одном дыхании, словно озвучивает заранее подготовленный ответ:

– Знаешь, Нарынка, моя родная, отец мечтал иметь сына и назвать его Гудрат. Не вышло. Моя мама была больна по женской части и родила только одного ребенка. И это – девочка, то есть я. Отец назвал меня Гудратханым, чтобы хотя бы частично осуществить мечту. Честно говоря, мне нравится мое имя. Тебе не нравится?

Я улавливаю, что ее голос такой же низкий, как мужской. Но, несмотря на баритон, говорит она певуче. Прямо как родной человек...

Она говорит, смеется. Внезапно замолкает и встает, зависает над моей головой. Я взволнованно поднимаю глаза и слгатываю. Ей хочется сказать что-то важное. Я тоже пробую встать, но она тут же берет меня за плечо и возвращает на место. Золотые браслеты на ее запястье касаются друг друга и позвякивают у моего уха. Я ясно вижу волнение на ее лице, будто после землетрясения. Тревога терзает меня, как волк, завывая над головой. Не могу отвести от нее глаз. Чувствую, что она прячет взгляд. Обращаю внимание на ее действия. Она движется на автомате. Она снимает руку с моего плеча и сует в карман. Ее руки, кажется, не помещаются в карманы, набитые бумажками. Вынимает руки и подпирает ими бока. Не произнося ни слова, ходит из угла в угол. Почему-то все, кто только что чесали языком, сидят, набрав в рот воды. Она проходит между кроватями к окну и смотрит во двор. Не знаю, что она там видит в темноте, но смотрит неотрывно. Затем слегка покашливает.

– Принести вам воды?

– Нет, Нарын.

Она продолжает, не поворачиваясь ко мне лицом:

– Как только приедешь домой, вызови участкового врача, пускай внимательно осмотрит ребенка.

Сказав это, она отходит от окна, идет к двери и, не глядя на меня, говорит:

¹Ханым – уважительное обращение к женщине.

– Хорошо, родная?! Будь сильной и терпеливой. Все будет хорошо. Вот увидишь! Ты же сильная девушка!

Последнюю фразу она произносит на пороге и выходит, чтобы я больше не задавала ей вопросов. Мое разочарование написано у меня на лице. Как будто кожа на моем лице стягивается и обвисает. Встаю и выхожу из палаты. Шаркая тапочками, захожу в детскую палату. Даже сама не знаю, как интуитивно нахожу ее кровать среди всех этих малыток. Она лежит, вытянув крохотные, нежные и слабые ручонки. Прямо как воробушек. Да и сама она не больше воробья. Выкидываю из головы слова доктора. Про себя, в каком-то отдаленном, но окутанном любовью уголке своей души я уже назвала ее «Воробушком». Когда ощущаю ее молочный запах, меня покидает вся накопившаяся боль. Весь долго терзавший меня страх, вся боль или нечто в этом роде улетучиваются без остатка от чар этого запаха. Это необычное и еще очень новое для меня ощущение. Маленькое, крохотное существе осторожно открывает и закрывает свои сощуренные глаза, между ресницами блестят две голубые бусинки – глазки, она чмокает нежными губками. Мне в глаза бросается бирка на ее запястье с моим именем, фамилией, ее датой рождения, весом, ростом и указанием пола – «девочка». Я растрогана. Точно такую же бирку с моими данными мама до сих пор хранит в чайнике сервиза «Мадонна» в серванте. Значит, и вправду это столь дорого и ценно...

...Наша первая встреча с врачом оказывается намного тяжелее, чем я ожидала. Участковый врач – женщина с изысканными манерами. Она не решается сказать всё начистоту, трепыхается, как птенец, угодивший в силос. Даже не притрагивается к чашке чая, что я ей налила. Чувствую, как у меня кругом идет голова. В таких случаях у меня всегда краснеет лицо и ёкает в животе. Врачиха смотрит на пол, на потолок, затем на мою мать. Она смотрит по сторонам, только не на меня. Встает, подходит к окну и смотрит на детей, играющих во дворе среди зеленых насаждений. Кажется, она понимает, что у меня вышло всё терпение, и, наконец, решает высказаться. Снова подходит к Воробушку, вставляет в ухо фонендоскоп, прикладывает холодный серебряный диск на ее теплую грудь. Снимает наушник фонендоскопа и осторожно убирает его в кожаный футляр. Мое сердце разрывается от этой ее сдержанности, ей-богу. Высокая, полная, коротко стриженная докторша в лупообразных очках, похожих на очки моей бабушки, одетая в белоснежный накрахмаленный халат, отпивает пару глотков давно остывшего чая.

– Подогреть ваш чай?

– Нет, всё нормально, – делает она паузу. Видно, что она расстроена. – В больнице вам ничего не сказали? – она снимает очки и растерянно отводит взгляд.

– Нет, врач сказала, что нужно провести тщательное обследование.

Я пожимаю плечами. У нее недовольное лицо.

– Эти «роддомовские» врачи даже слово сказать ленятся. Не хотят показаться плохими. Хотя им надо всё говорить начистоту, чтобы мать знала, что ей предстоит. Нашли легкий путь. Посылают к участковому врачу, чтобы та сказала горькую правду, а затем кое-как утешила мать.

Пока доктор говорит, я, выпучив глаза, наблюдаю, как шевелятся ее губы. Какие церемонии, какой пафос, «разговор издалека»...

Ноет сердце, я судорожно сглатываю. Да и она тоже. Так судорожно, что я явно вижу, как слюна проходит через глотку. Часто берет салфетку и вытирает пот. О Боже, если бы она закончила говорить, я поняла бы, в чем проблема. Воробушек начинает дергаться. Кладу соску малышке в рот, она выталкивает языком. Врач советует обмакнуть соску в мед. Как только вкус меда пропадает, она снова выталкивает

соску кончиком языка. Я беру ее на руки и успокаиваю, но внутри у меня всё кипит и готово взорваться.

– Доктор, мне уже неважно. Понимаю, что вы собираетесь сказать что-то совсем неприятное. Но поверьте, ей-богу, я сильный человек. Скажите же, наконец, в чем беда с этим ребенком. Мне уже невмочь...

Она начинает говорить о какой-то болезни. Поначалу ее название звучит для меня как «таун». Поскольку то, о чем она говорит, не имеет ничего общего с тауном, я переспрашиваю название болезни. Оказывается – это синдром дауна.

– Что же это за проклятый Даун? Настолько тяжелая болезнь, что вы не осмеливаетесь сказать?

– Значит, так... Это генетическое заболевание. X- и Y-хромосомы...

У меня каша в голове, я ничего не понимаю. Понимаю только то, что это образование чего-то такого, что вызвано хромосомным сбоем, но доктор продолжает говорить о «х» и «у». Это напоминает мне ось координат $x - y$. В мозгу бьет тревога: я нахожусь на грани большой катастрофы. И мне срочно нужно что-то сделать. Очень срочно! Но что?! Что мне нужно сделать? Что? Что? Что???

После ухода доктора остаюсь в безутешном состоянии – мои мечты и грёзы вдребезги разбиты, все надежды рухнули...

На следующий день думаю о случившемся, хожу из угла в угол.

– Мне подкинули чужого ребенка! Да! Стопроцентно! – говорю я себе.

Остановливаюсь, смотрю неотрывно в одну точку и погружаюсь в думы. Говорю решительно:

– Ага! Подкинули! Это не мой ребенок! Не может быть! Кто-то намеренно подменил. Чьи дети были там в тот день? – пытаюсь вспомнить. – Да, дети Айгюн, Шахлы... Интересно, чей это ребенок? Сейчас отправлюсь туда и переверну всё вверх дном. Пусть вернут моего ребенка! Бог знает, в чьем доме он сейчас!..

Выхожу в коридор, достаю из шкафа туфли и бросаю на пол. Спешно надеваю. Когда открываю дверь, готовясь выйти, вдруг останавливаюсь и начинаю рыдать. Закрываю дверь и безвольно на нее опираюсь. Понимаю, что обманываю себя...

Несколько дней хожу как сама не своя. Не знаю, что и когда ем, пью, говорю. Часами тихо и безмолвно сижу в углу стены, скорчившись, словно в материнской утробе. В этой кажущейся тишине я представляю, как ломаю всю посуду в доме, срываю шторы, рву обои и вою, как бирюк на вершине горы. Я так громко вою, что ни один волк не смеет высунуть голову из норы. Кажется, судьба снова играет со мной. Но на сей раз все очень серьезно. Я безоружна в этой игре. Должна взять себя в руки. Даю себе пощечины, чтобы очнуться, сделать что-нибудь, найти решение. Или не знаю, что... Но снова нахожу себя скорчившуюся у стены.

...7-8 часов утра. Солнце просачивается сквозь золотые осенние листья и тонкими лучами спускается на землю. Смотрю в окно. Лучи словно бы говорят: «Держись за нас и поднимись к солнцу». Одеваю Воробушка, прикалываю к ее шапке амулет от сглаза и золотую подкову, привезенные из Хаджа, беру на руки, и мы выходим во двор. Стараемся дышать свежим воздухом среди сосен. Я думаю, думаю, думаю... Решаю выяснить, что это за болезнь, чтобы бороться с ней. Соседи поздравляют, говорят что-нибудь вроде доброго слова и не забывают о советах. Меня отвлекают эти звуки и слова, затем продолжаю с того места, на котором остановилась. Говорю всем «Спасибо, большое спасибо!», чтобы отвязаться, вот и всё. В голове и на сердце тяжело.

На следующий день... Рано утром стою в очереди к лучшему врачу города. Долго жду своей очереди в коридоре больницы с плачущим у меня на руках больным ребенком. Здесь никто ни с кем не вежлив, никто не уступает очередь. Ведь сюда не приходят подобру-поздорову. Шагаю по выложенным паркетам, переплетенным, как

и мои проблемы, шагаю и считаю: раз, два, три, четыре... Это мои первые шаги на мучительных больничных путях-дорогах...

Обед. Кормлю Воробушка, даже не присаживаясь. Вдруг слышу свою фамилию. Медсестра зовет на прием. Я оборачиваюсь так быстро, что заплетаются ноги. Поворачиваюсь кругом, как военные. Чуть не падаю на колени с ребенком на руках. Какая-то женщина в коридоре удерживает меня за руку: «Дочка, осторожно, у тебя ведь ребенок на руках...»

Врач, не меняясь в лице, совершенно отстраненно говорит молодой и неопытной матери, стоящей перед ним, то есть мне, «готовься принять удар». Он словно забивает мне молотком в мозг всю боль и страдания. Я думала, что больше всего страдала, когда умер отец. Я ошибалась. Я очень ошибалась. Только сейчас, выходя из этой комнаты с заедающей дверью, идя домой с Воробушком на руках сначала в метро, потом на автобусе, а последние 20-30 метров нетвердым шагом, я понимаю, каково это по-настоящему плакать, по-настоящему страдать. Смотрю на нее, и у меня разбивается сердце. Я привела ее в мир. И потому должна нести весь ее груз. Я пытаюсь отвести от нее глаза, но она смотрит на меня таким умным и глубоким взглядом, что... Она говорит, говорит глазами. Что-то мне подсказывает...

Начинаются долгие бессонные ночи, полные жалоб. Я пытаюсь обвинить почти всех вокруг себя, и я это делаю. Я обвиняю даже продавца хлора, которому вместо зарплаты выдали этот раствор и мебельное масло вдобавок. Я упала. Я разбита. Мои бумажные кораблики прямо у меня на глазах затонули в лужах моих грез. Вода разъела клетки, и они расползлись. Я глупа настолько, чтобы все отрицать. Может, я недостаточно сильна, чтобы поднять все, что со мной случилось, недостаточно взрослая, мои плечи еще не очень окрепли, они еще нежны, не покрыты мозолями...

От всех этих дум поникло лицо. Думаю и думаю целыми днями. Думаю и думаю, но выхода найти не могу. Сплю всего два-три часа и во сне вижу то, о чем думаю в течение дня. Я застряла между сном и явью, совсем потеряла голову. Забываю, что и куда положила, что и кому обещала, что и с кем обсуждала. А детали, связанные с числами, вообще не запоминаю. Вроде бы пишу в блокнот, чтобы не забыть. Без толку. Ведь куда деваю блокнот, тоже не помню. Мне страшно, к голове и лицу притекает жар. Рот пересыхает, в горле ком. Даже сглотнуть не могу, исхожу в приступках кашля. Чтобы успокоить кашель, выпиваю залпом стакан теплой воды, и тут звонит телефон. Торопливо допиваю воду большими глотками, медленными шагами иду снять трубку. Так же медленно произношу «алло». Даже не знаю, слышат меня или нет на том конце провода. Может, я сплю. Продолжая говорить, думаю: не во сне ли я?! А на том конце продолжают говорить. Кивками головы подтверждаю всё, что мне говорят. Будто меня видят! Только в конце бормочу: «Поняла, большое спасибо!» и бросаю трубку. Шаркая ногами, иду и беру огромный пакет с купленными по новому рецепту лекарствами и выхожу из комнаты. Бог знает, в чей широкий карман идут деньги за эти лекарства. Проходя мимо зеркала в коридоре, замечаю свое отражение. Давно себя не видела. Делаю шаг назад, откладываю пакет с лекарствами и смотрю на свои черты. На лице нет морщин, но что это за старческий дух, охвативший меня?! Пропасть в моих глазах столь глубока, настолько пуста, что любой желающий туда взглянуть упадет и разобьется насмерть. Стыскаю зубы, как сумасшедшая: поворачиваюсь лицом вправо и влево. Мои зубы выглядят желтыми и отвратительными. Чувствую исходящий от них плохой запах. Вспомнила, не чистила их утром. Не только сегодня утром, но и вчера, и позавчера, и позапозавчера. Забыла... Со вчерашнего дня накрутила волосы и собрала карандашом пучок на макушке. Я их распускаю. Пряди спутались, расческа их не берет. Кое-как их расчесываю и заплетаю. Чищу зубы и прыскаю себя духами. Пытаюсь хотя бы натянуто улыбнуться. Отчасти выходит, отчасти нет. Внутри у меня кипят слова только что звонившей докторши: «Ты

разрушаешь себя, теряешь себя! А ее тебе не жалко? Слушай, хватит! Ну так же нельзя! Ведь ты ей нужна! Понимаешь, нужна! Нужна ты ей, очнись! Если хватит сил, сделаешь всё, слышишь, всё! Если ты вот так упадешь, то погубишь и себя, и ее! Жалко же ребеночка! Она не виновата! И ты не виновата! Клянусь, ты не виновата! Хватит! Ты меня слышишь? Хватит винить себя! Скажи хоть слово, чтоб я знала, что ты слышишь!»

Три дня назад ей исполнился годик. Она отличается от своих сверстников. Вижу ведь, отличается. Теперь у меня болит душа, а не тело. Меня задевают, когда одни смотрят на нас сострадательно, другие свысока, третьи и вовсе безразлично. Не подаю виду. Говорю, смеюсь. Отойдя на пару шагов от людей, слышу: «Бесстыжая какая, ей хоть бы хны!» Что поделаться, стараюсь не прогибаться. Большинство стараются показаться умными и чему-то меня научить. Тоже мне академики! Они, не имеющие никакого отношения к этой болезни, видите ли, знают, а я не знаю! Терпеть их не могу. Не-е-е могу-у-у! Если честно, поначалу такие вещи очень сильно на меня действовали. Меня утомляло быть в центре внимания в дороге, на свадьбах, в автобусе. Сколько можно задавать одни и те же вопросы, говорить одни и те же слова, относиться с одной и той же насмешкой: «Вы со своим супругом родственники? В вашем роду есть такие? Это ведь генетическая болезнь! Значит, в ваших генах это есть, иначе она такой не родилась бы!» И так далее, и тому подобное. Иногда мне хотелось запереть двери и окна и не выходить из дому...

– Мы с тобой точно не родственники, а? Поверь, я устала отвечать на этот вопрос «нет»! Так часто говорят, что я уже начала сомневаться в себе.

Внимательно смотрю ему в лицо. Кажется, он считает, что я сошла с ума. Смотрит на меня внимательно, ничего не говорит.

– Нет, не беспокойся. Я просто спросила. Никто меня не мучает своими вопросами. Разок всего спросили, вот и из головы не выходит. Забудь. Всё в порядке...

Я провожу этот день, как обычно. Уже за полночь. Сажу в гостиной, баюкая Воробушка на руках. Вспоминаю наш дневной разговор, то, как он смотрел на меня. Глубоко вздыхаю. Знаю, он тоже много думает и страдает. Но мужчины и мы, женщины, воспринимаем неприятности иначе. Особенно, если речь идет о детях. Я вынуждена не заходить слишком далеко при нем. В последнее время он стал очень чувствительным. Боюсь даже слово сказать. Всё его нервирует. Но я знаю, что это все оправдание. Все его думы о Воробушке...

Пытаюсь избавиться от бурлящих в голове мыслей. Я так устала, так устала, будто тысячи лет гребла на старой лодке вверх и вниз по Нилу. С одной стороны – усталость, с другой – страхи, с третьей – душевная боль. Я в такой панике, что не могу выбрать. Я упала в такой темный, полный паучьих сетей, кишаций нетопырями ужасный лабиринт, что не могу спастись. Меня охватывает ужасный страх перед будущим: что случится? Как случится? Мне говорили, что они живут всего восемнадцать – двадцать лет. Меня охватывает дрожь. Как так? Целых восемнадцать лет мучиться и воспитывать ребенка, а потом отправить под холодную землю?! Как я могу уложить ее на кладбище под холодную землю, а затем тихо-спокойно спать дома в тепле? Как я могу здесь утолять голод, в то время, как она там голодна? Как я буду глядеть в ее пустую кроватку? Как буду дышать, когда она не дышит? Как продолжу жить? Не рухнут ли на меня стены дома? Нет! Нет! Для меня это будет еще невыносимей. Когда я думаю об этом, сердце готово выскочить из груди. С другой стороны,

эти завывания ветра во дворе. Чуть раньше я убавила свет настольной лампы. В комнате полумрак. Вдох застрял где-то в легком. Снова вой безжалостного ветра. Тиканье настенных часов на кухне доносится из комнаты в комнату со скоростью света и вбивается мне в мозг: тик... так... тик... так...

От этого звука натягиваются, как струна, нервы. Встаю и прохожу на кухню. Не ленюсь и поднимаюсь на табурет. Снимаю часы со стены. Вытаскиваю батарейки и швыряю прямо в мусорку. Вешаю часы обратно и возвращаюсь в гостиную. Время застыло: пять минут четвертого. А ветер продолжает выть на улице. Завывает так, будто у него умерло дитя. Меня охватывает озноб. Мозг плавится: как это так – восемнадцать лет? Как это – она умрет? Может умереть даже от обычного гриппа? Как это – не сможет говорить, стать нормальным человеком, нормально думать? Как это так, как?!

Занавеска вздулась, как парус. Подхожу и нервно отдергиваю ее в сторону. Смотрю на небо, смотрю так, будто вот-вот рассеются черные тучи, и я увижу Бога! Мое нутро готово вывернуться наизнанку словно одеяло. Повторяю шепотом, не переставая: «Почему же, почему?! Тебе что, делать было нечего? Почему Ты ввергнул меня в эти страдания? Почему? Почему я? Почему снова я? На меня только хватило сил, не так ли? Почему Ты посылаешь мне только плохое? Тебе совсем не жаль меня? Ну, скажи мне, что мне делать, а? Что мне делать? Почему снова я?!» Я гневно задергиваю занавеску: «Не смотри, Боже мой, не смотри, как я страдаю, не смотри! Всё равно Ты никогда меня не видел, не замечал... Не надо видеть и сейчас!»

Сажусь на диван... Включаю радио и убавляю громкость. Поёт Шевкет Алекперова: «В жизни моей и дня счастливого не было. Плачу и плачу...» Рыдания комом встают в горле. Если она всё равно умрет, всё равно не выживет, какой смысл продолжать мучиться? И я буду мучиться, и она. Сколько можно колоть это крохотное тельце иглами, пичкать лекарствами?! Когда вкалываю ей лекарство, собираю кожу в горсти, ведь она такая худышка...А Шевкет продолжает петь: «Плачу и плачу я в темноте...» Я вся какая-то ватная. Слышу только песню и завывания ветра, думаю только о том, как избавиться ее от страданий. Как сделать так, чтобы она не страдала? Как избавиться от боли? Как сделать так, чтобы она не стеснялась сверстников по мере взросления? Чтобы дети ее не обижали? Как защитить ее от насмешек? Может... Может быть, взять сейчас и... Может, если она сейчас умрет, перестанет мучиться?! Зачем ей страдать до восемнадцати лет?! Как я буду, если она умрет? Гляжу ей в лицо. Приближаю пальцы к ее нежному, как у птенчика, горлу. По сути, достаточно только одного движения. Я так отчетливо чувствую ее пульс под своим указательным пальцем. Туп-туп-туп... Я больше не могу. Не могу справиться с этой участью. С каждым днем все тяжелее. Не могу выдержать этого груза. Но мне жаль ее больше, чем себя. Поплачу-погорюю десять-пятнадцать дней, но ни она, ни я страдать больше не будем. Если она умрет во взрослом возрасте, это измучит меня сильнее. Пусть как ангел улетит прямо сейчас, чтобы не поранить в будущем свои нежные крылья...

Открыв прищуренные глаза, она так ласково смотрит на меня: «Ма-ма!» Ниспадает дьявольское наваждение. От страха трясутся руки и ноги. Не могу держать ее на руках, быстро кладу на диван, чтобы не упала. Встаю. В панике отступаю на шаг. Что я делаю?! Хочу крикнуть изо всех сил, но мой крик комом застревает в горле. Так больно колет в спине, что не могу дышать. Умираю от боли и страха. «Вдруг сойду с ума?!» – начинает наваливаться на меня ужас. Тогда ведь совершу любую глупость. Теперь я боюсь сама себя. Нет, кажется, я полностью очнулась. Значит, есть причины, заставляющие пойти на убийство. Ничто просто так не случается, ничто...

Посреди этой неразберихи вижу, как Воробушек, раскинув руки, посапывает, уткнувшись в угол дивана. Тихонько беру ее на руки и укладываю в кровать. Выхожу в коридор. И тут же возвращаюсь. Внимательно смотрю на ее грудь – дышит ли. Она столь слаба, что дыхание чувствуется еле-еле. Страх, тревога, все плохие предчув-

ствия в мгновение ока заползают мне в душу со всех четырех сторон света. Дрожа от волнения, прикладываю пальцы к ее ноздрям – к счастью, тепло. Дышит!

Снова выхожу из комнаты. Прохожу в гостиную и ложусь прямо на пол. Вспоминаю всё, что только что случилось, вернее, могло случиться. Хочу поскорее стереть из памяти и лечь спать. Боже! Никому бы не знать. И даже мне бы не вспоминать.

Двенадцать минут седьмого. Не слышно тиканья часов на кухне, радуюсь, как ребенок. Натянув на себя одеяло, пристроила голову на подушке, и вот теперь во дворе начинают щебетать дрозды: тью... тью... тью...

Просыпаюсь утром в дурном настроении. В этом полусонном состоянии провожаю его на работу. Потом сажусь за компьютер и, потягивая крепкий кофе, шарю в Интернете, а башка так и продолжает трещать. Значит, так: прогнозы по поводу 18-ти лет давно не оправдали себя. Люди живут с этой болезнью даже 100 лет...

Покупаю новые книги для своего Воробушка. Показываю картинки и рассказываю. Привожу названия, называю цвет, качество предметов и вещей, которые мы видим по дороге: смотри, это дерево, это ствол дерева, его цвет коричневый, это листья дерева, они зеленые. Это небо, это облако, оно голубое. Это солнце, оно желтое. Это цветок, его цвет красный, желтый, розовый... Она просто слушает. Врач говорил то же самое, и в книге было так написано: «Она не вернет тебе услышанное тотчас! Наберись терпения! Рассказывай, говори. Может, год, может, два, может, три, а то и пять лет она будет только слушать. Услышанное будет копиться в памяти. В конце концов, ты увидишь плоды своего труда! Она вернет тебе всё накопленное! Просто будь терпелива и верь в это!» Что я и делаю, слепо верю...

На нашей последней встрече с врачом она сказала, что ребенку обязательно нужно общаться. Ей нужен детский сад, чтобы видеть и учиться у своих сверстников, правильно развиваться и интегрироваться в общество. Еще желательно иметь братика или сестренку. Врач настаивает на том, чтобы я родила еще одного.

– Нет, я не хочу. Еще не знаю, что со мной приключится. Что и как будет? Надо еще ее на ноги поставить, а потом...

– Ты ошибаешься, моя дорогая. Ты должна родить ребенка. К тому же здорового. Она будет учиться, будет брать пример. Она будет обращать внимание на сестру или брата, не важно, будет стараться быть похожей. Это поможет ей больше, чем уколы и лекарства. Поверь...

– Но ведь...

– Мне уже давно за семьдесят. Ты только сейчас всё это видишь, а я уже на-видалась...

Я обошла семь или восемь детских садов, умоляя директоров. В конце концов, одна из них сжалилась.

Каждый день спрашиваю учительницу, как она себя ведет. Она довольна. Радостно встречаем утро, одеваемся и идем в сад. И вправду, на неё благотворно влияет коллектив, игры с другими детьми, общение с ними.

Это был месяц Рамазан. Я встала рано, чтобы поесть перед постом. Помолившись, отдергиваю занавеску. На этот раз без раздражения. Свожу руки в молитвенном жесте. Благодарю и молюсь Богу, на которого и которому жаловалась три года назад. Прошу себе сил и выдержки, а ей – здоровья, больше ничего. Втягиваю в ноздри запах Воробушка и ложусь спать.

Встаю утром и одеваю ее, как обычно. Украшаю ее короткие волосы и отвожу в садик. Прощаюсь и выхожу, ко мне подходит учительница.

– Как моя дочь? Не утруждает вас?

– Нет, совсем нет.

– Как хорошо. Я рада, – на самом деле, я знаю, что она никому не доставит хлопот.

– Меня мучают другие дети, а она нет. Будьте спокойны, – говорит учительница, улыбаясь мне.

Она идет к двери проводить меня. Я, не говоря ни слова, кладу деньги ей в карман. Ведь заботится о моей дочке. Думаю с самого начала проявить «уважение», чтобы она хорошо заботилась о ребенке. Держу ее за руку и прошу не возвращать мой дар. Она не препирается. Возвращаюсь домой с расцветшей душой.

Два часа дня. В темпе протираю окна, чтобы закончить работу к пяти часам и пойти за ней в садик; я вся в пыли. Было бы здорово успеть сполоснуться. Звонит телефон. Складываю тряпку, убираю в карман, тянусь к телефону, думая, к добру ли. Ночью мне снился плохой сон, лишь бы всё обошлось. Звонит директор детского сада. Мне становится плохо. Закрываю глаза, готовясь услышать плохое. Одной рукой держусь за сердце:

– Да, Севиндж-ханым.

– Здравствуйте. Пожалуйста, зайдите в сад.

Я очень переживаю. Наверное, что-то случилось. За секунду мне в голову приходит тысяча плохих мыслей.

– Что-то случилось с моей дочерью? – спрашиваю взволнованно. – Ради Бога, не скрывайте, что-то случилось с ребенком?

Женщина отвечает очень спокойным голосом:

– Нет, нет. Не волнуйтесь. Она в группе. Играет. Но вы лучше поторопитесь. Не ждите до вечера.

Если она настаивает на том, чтобы я пришла в детский сад, значит, что-то случилось.

Даже не знаю, как выбегаю из дома. Забываю закрыть окно. Сверху зовет соседка: «Ради Бога, купи мне хлеба, когда вернешься». По дороге текут машины, а у меня стынет кровь. Бегу стремглав в детский сад, думая о худшем. Вхожу в комнату, выкрашенную в светло-розовый цвет. Здесь большие окна. Жалюзи отодвинуты. Комнату ярко освещает солнце. Лучи преломляются в стеклянном стакане на столе. На стене висит несколько дипломов. Новая мебель, свежие цветы. Как только вхожу, вместо приветствия получаю «пощечину»:

– Ваш ребенок мучает и воспитательницу, и детей. Очень много жалоб от родителей. В моем детском саду нет места... эмм... таким ненормальным детям... Отдайте ее в спецсад! Поймите, я не могу держать такого ребенка в своем саду!

Эта пощечина врезалась мне в лицо, и моя щека будто бы заранее раскрылась этой пятерне. Лицо зарделось.

– Ведь... Она никого... Воспитательница тоже довольна...

Директриса грубо сует мне под мышку документы моей дочери. Не позволяя вставить ни слова, толкает наружу входную дверь.

– Дорогая. Пойми меня правильно. Я не хочу портить репутацию своего сада. Все недовольны, все! Я не могу усидеть в кабинете из-за звонков. Отдайте ее в спецучреждение. Мой сад престижный. Отсюда я отправляю в школу умных, образованных, воспитанных детей. А ваша...

Она вежливо выгоняет меня. Я иду в групповую комнату. Расспрашиваю воспитательницу, она не говорит ни слова. Только когда прощаюсь и выхожу, понимаю по ее плачу, что она ни в чем не виновата. «Не плачьте, я вас понимаю, – говорю я. – Вы тоже нуждаетесь в куске хлеба».

Выхожу, да так стремглав, будто за мной гонятся.

Иду и плачу, прижимаю к себе Воробушка и ее документы. Вдруг нахожу себя дома, даже хлеб купить соседке забыла. За полночь, а я кручусь-верчусь по дому, как юла. Снова ропщу на Бога. Гневно отдергиваю занавеску. Смотрю из окна, которое сегодня протерла, на небо – на Бога. Что мне теперь делать, как быть, сама не знаю, ведь я не от хорошей жизни отдала ее в садик. Думаю о родителях, которые бросают своих детей в садик, чтобы отдохнуть от них на пять-шесть часов, думаю и преисполняюсь ненавистью ко всем и вся...

Я ничего ему не сказала. Он продолжает считать, что Воробушек каждый день ходит в садик. Если бы сказала, знаю, это очень плохо на нем сказало бы – очень плохо. Потому и смолчала. Когда найду новый садик, что-нибудь да придумаю. Скажу, что перевела ее сюда, потому что этот садик лучше, чем тот. Короче, найду, что сказать. Не хочу, чтобы он переживал попусту. Главное – найти новый садик...

Хожу-брожу, ищу новый садик. Умоляю то одного, то другого директора. Вот как-то это – быть матерью. Просить и умолять того, кто ниже тебя?! Правду говорят, что ради ребенка и врагу в ноги бросишься!

Наконец, нашлась одна сострадательная.

– Умоляю, не торопитесь сказать «нет». Попробуйте понять меня. Это – судьба человека. Не стану вас винить, если откажете мне. Но прошу, не говорите этого...

Женщина смотрит мне в глаза. Чувствую, что она вся в сомнениях. Наконец внезапно говорит:

– Приведите на неделю. Если воспитательницы согласятся, я тоже соглашусь.

Мой Воробушек идет в сад. Каждый день для нее новая страница. Воспитательницы очень любят и нежат ее. Для меня небольшие показатели развития, которые другие матери воспринимают как должное – настоящий праздник. Первые ее шаги, первый лепет, первые слова – всё это настоящее событие.

Решен вопрос с садиком. По совету пожилого опытного врача я беременна будущей сестричкой Воробушка...

Теперь я строю не только свое настоящее, но и будущее в соответствии с планами Воробушка. Давно ничего не читаю... Успею, завтра, – говорю себе и ничего не успеваю. Вожу Воробушка к врачу, в детсад, на занятия с логопедом, и вдруг начинаются схватки...

Появление второго ребенка в семье запоминается тем, что Воробушек ей улыбнулась, приняв за куклу, а когда малышка заплакала, то Воробушек, испугавшись, стала плакать громче сестрички...

Ночь. Снова не могу заснуть. Сколько можно переворачивать подушку так и сяк, которая за все эти годы пропиталась моими слезами? Теперь меня беспокоят другие мысли. Допустим, пройдут годы, эта маленькая девочка подрастет. Ее полюбит какой-нибудь молодой человек. Моя дочь тоже его полюбит. Допустим, это будет одна любовь на миллион. Его родители узнают, что сестра будущей невестки даун, и испугаются того, что это скажется на их внуках. Запретят своему сыну жениться на моей дочери из-за ее сестры. Что тогда? Теперь будет страдать и второй мой ребенок?! Мало моих страданий, ее сестренка тоже будет тяготиться?! Ведь это несправедливо! Зачем ей страдать, почему она должна становиться несчастной?! Что мне тогда делать?! Какие слова я скажу в утешение заплетающимся языком?! О, Господи! Я так с ума сойду, ей-богу! Это горе сведет меня с ума. Снова плачу в подушку, уткнувшись в нее лицом, чтобы никто не слышал рыданий...

«Заплатите в кассу, чтобы мы окончили работу по документации», – сказал мне доктор.

Я пошла, заплатила и вернулась в ту же комнату. Мне следовало прочесть и подписать протянутый мне документ, чтобы выразить согласие с условиями. Если случится то-то и то-то, и если ребенок, опекуном которого я являюсь, скончается во время операции, я не возражаю и не собираюсь привлекать врачей к судебной ответственности и не стану требовать уплаченной суммы. После того, как я подпишу документ в знак согласия, они проведут операцию. Каков же реальный вес этой бумажки весом всего 3-4 грамма, выданной матери, которая провожает своего ребенка на сложную операцию?!

В пять часов утра просыпаюсь от голоса медсестры на больничной койке на колесиках в дальнем конце длинного узкого коридора, на чьих стенах красуются дешевые репродукции известных картин. Полусонная, не совсем понимаю, где и почему нахожусь, но взволнованный голос женщины, ее пахнущие спиртом и йодом руки, которыми она, трясая за плечо, пытается меня разбудить, начинают вызывать в памяти смутные образы. Вдруг резко вскакиваю. Быстро бегу за ней. Такое ощущение, будто я сама бегу впереди, а ноги за мной не поспевают. Поднимаемся на лифте на 4-й этаж. Я ушла отсюда 12 часов назад. Хотелось плакать, но не заплакала.

Собравшись с духом, подхожу к двери с надписью «Реанимация». Медсестра что-то мне говорит. То ли будучи полусонной, то ли сбитой с толку, не слышу её слов. Прямо на пороге задерживаю шаг, держась за дверную ручку, потом толкаю дверь и вхожу в реанимацию.

Три койки справа, три койки слева. Инстинктивно поворачиваю налево, прямо к ее койке, как это уже было в родильном отделении. Она лежит на койке слабая, с полузакрытыми глазами, как ангел. Ее волосы рассыпались по подушке. Но ведь утром я их собрала. Судя по всему, медсестра распустила. Не было ли ей больно при этом?! Кажется, я думаю о банальных вещах. Вздрагиваю на мгновение. Может, она и не жива?! Может, операция прошла неудачно?! Все ее тело под контролем дорогой аппаратуры фирмы «Сименс». «Бип-бип-бип», этот звук вонзается прямо в мозг, разделяется на полушария и выходит из висков. Видела в фильмах, раз слышен этот звук, значит, сердце бьется. Встаю над ее головой и молча смотрю. Она снова похожа на воробья. На маленького беспомощного птенчика. Страдаю, чувствую себя виноватой. Вдруг замечаю свои руки. Пальцы дрожат. Что делать? Хочу громко зарыдать. Нельзя, скоро выйду из реанимации и спущусь вниз. Все меня там ждут. Все ждут только намека, чтобы заплакать прежде меня. И он, и мама, так много людей смотрят на меня...

Хриплый шепот моего ангелочка «пить... воды...», и я тут же забываю о родственниках на первом этаже и переносюсь на четвертый, в палату интенсивной терапии, пахнущую йодом, спиртом, наполненную гудением аппаратов искусственного дыхания. Но на этом высоком этаже я чувствую себя мертвецом, лежащим в самой глубине земли. И вдобавок целая скала на груди. Она просит воды, шевелится шнур, идущий от ее горла к венам. Все, что я могу, – это ласкать и целовать ее маленькие, похожие на шекербуру¹ ножики...

Пожилая докторша была права.

Воробушек всему учится у сестры. Ведет себя, как она, сидит, как она, ходит, как она, ест, как она. Ее сестра для нее школа. Они вместе играют, вместе растут.

¹ Азербайджанская сладость в виде небольших пирожков из дрожжевого теста, с рисунком на поверхности и начинкой из молотого лесного ореха, сахара и кардамона.

Но я чувствую себя виноватой перед младшей дочерью, я не могу уделять ей достаточно времени и внимания. Даже если сама того хочу, никак не получается. Время от времени чувствую ее обиду по тому, как она смотрит своими черными глазами на Воробушка на моих руках. Иногда она меня спрашивает:

– Ты меня не любишь? Ведь ты не нежишь меня, как сестру.

Я говорю: «Дочка, она нуждается в заботе». Она кивает, будто меня понимает, но я вижу, что обида в ее глазах никуда не делась.

Я ставлю перед обеими одну и ту же еду, в одном и том же количестве. Младшая думает, что я кладу Воробушку лучшую порцию, и ревниво поглядывает на ее тарелку. Когда отворачиваюсь, слышу, как младшая меняет тарелки.

Завтра 15 сентября. Все дети в нашем дворе, достигшие 6-летнего возраста, наденут школьную форму, матери приколют к косам дочерей белую ленточку, мальчикам повяжут галстук в виде флага, и они пойдут в школу. В этом году для них прозвонит первый звонок, а нам придется подождать, пока не исполнится 7 лет. На самом деле это печально. Думаю, и глаза наполняются слезами. Но хорошо, что жива надежда. Хотя мне придется ждать еще год, но 15 сентября следующего года я буду так рада отвести дочь в первый класс. Как хорошо, что есть надежда. Я плачу, молчу, плачу, молчу. Живу одной надеждой...

За эти годы я становилась то верующей, то атеисткой. То искала спасения в Боге, то ненавидела Его и полагалась на собственную стойкость. Боюсь только смерти – смерти, которой никогда не боялась. Я нужна Воробушке. Я должна жить ради нее. Я не могу уйти, оставив ее в водовороте судьбы, не могу! Даже если умру, я взмолюсь тамошним и вернусь с моста Сират¹, вернусь ради нее. Я должна стать опорой ее крыльям, которые хотят распахнуться в небо. Я должна защитить ее от падения во время первых полетов. Каждый день, каждую минуту, каждую секунду я должна быть готова ко всем чрезвычайным ситуациям, и я готова...

Я видела, как перед моим лицом закрываются сотни черных дверей. Видела и белую дверь в конце коридора. Пока подрастала мой Воробушек, я за минувшие годы перевидала вся тяготы жизни – больничный запах, карманы врачей, кассовые чеки, долгие изматывающие поездки, многочасовые очереди на обследования, вынужденные просьбы. Я пережила все это и многое другое по крупницам, по секундам. Но я обнаружила себя в ее чистом, добром взгляде, далеко от ненависти, гнева и горечи мира. Поняла, что, независимо от того, хороший или плохой я человек, прежде всего я мать со всеми своими минусами и плюсами. И что я очень слаба перед ней, а позади нее очень сильна...

Этим утром я осторожно отдернула занавеску, которую некогда мысленно сорвала и бросила на пол. Весеннее солнце согревает мир и дарит любовь. Крохотные воробьи на подоконнике, вертя головками, торопливо и немного испуганно клюют хлебные крошки, которые я спозаранку насыпала для них...

¹ В исламской эсхатологии, мост, который расположен над огненной преисподней. Мост Сират очень тонкий и не превышает размера волоса и острия лезвия меча.